

Какую дань слова принесем вам, верные свидетели Слова, доблестные страстотерпцы и пастыри, вменившиеся яко овцы закления. Витийствующий язык изнемогает пред величием вашего подвига. Ваши языки подобно множеству отверстых уст, сами вещают о вашем терпении, ваша кровь говорит лучше, чем кровь Авеля (Евр. 12, 24). Вы сами служите нашею похвалою. В вас и через вас мы приносим жертву благодарения Господу, всегда победители нас творящему о Христе Иисусе (2 Кор. 2, 14). Среди великого испытания скорбями мы преизобилуем ради вас радостью (2 Кор. 8, 2) и восклицаем вместе с Златоустом:

"Благословен Бог! и в наш век произросли мученики, и мы удостоились видеть людей, закалаемых за Христа, людей, проливающих святую кровь, которая орошает всю Церковь. Мы удостоились видеть людей, ратующих за благочестие, побеждающих, увенчаваемых... и мы имеем теперь у себя этих венценосцев" (Беседа 3-я на первую книгу Паралипоменон).

Многие хотели бы видеть, что мы видели, и не видели, слышать то, что мы слышали, и не слышали. Нам суждено было быть свидетелями ваших чудных дел, и любви, и служения, и веры и терпения (Апок. 2, 18) и на нас лежит священный долг возвестить о них миру, проповедывать на кровях о том, что мы видели своими очами, что осязали руки наши (1 Иоан. 1, 1).

Но нам не достанет ни времени, ни сил повествовать о новых Сампсонах, Давидах, Гедеонах, Самуилах, об этом чудном воинстве Христовом, которое верою побеждало царства, творило правду (Евр. 11, 32-35) и посрамило древнего врага.

Тебе, первосвятитель древней Киевской церкви, соименный св. Просветителю Руси, подобало предначать славное поприще борьбы и страданий, ты стал предводителем боговенчанного полка, и тебе да воздается от нас первый венец хвалы.

Сама Божественная Премудрость предуказала, чтобы на горах Киевских, там, где Апостольскою рукою было утверждено некогда знамение св. Креста, вознесен был на крест преемник апостолов, как один из пер-вых священномучеников наших дней. Крещение Русской Церкви огнем и кровию должно было начаться оттуда, где положен был первый камень в ее основание и где изначала приял водное крещение русский народ.

То были тяжкие и скорбные времена, когда область темная начала усиливаться на Русской земле и когда суд небесный впервые возгремел над домом Божиим (1 Петр. 4, 17). Тогда Господь, уготовляя нас на день испытания, восставил нам пастыря и отца по сердцу нашему, дабы он собрал воедино ратоборцев Христовых и извел их на брань с врагами Церкви. Вместе с другими святителями возрадовался тогда и ты, как друг женихов за глас женихов (Иоан. 3, 29), и по тебе пришедшим не завидел. Будучи всегда готов исполнить всякую правду (Матф. 3, 15), ты повиновался слову Первоиерарха Патриарха Тихона и, оставив священный собор, отошел к твоей пастве, которую уже стали расхищать волки хищные, не щадящие стада. Сыны тьмы не могли стерпеть твоей ревности о Церкви Божией и с оружием в руках, как на разбойника, пришли к тебе под мраком ночи, чтобы взять тебя на заклятие. Лестью и коварством они извели тебя из стен древней Лавры, как бы из священного Сиона, и вознесли на уединенное возвышенное место, на эту новую Голгофу. Подобало, чтобы по образу вечного Первосвященника, нося поругание Его, ты вышел и пострадал вне врат (Евр. 13, 12). Там именно и приял ты смерть от жестоких мучителей, пронзивших острием твое тело в то время, как ты простирали к ним благословляющие руки, молясь за своих врагов.

Это место, орошенное твоею кровью, навсегда останется священным алтарем для верующих; и тихий свет лампы немеркнущим светом будет озарять оттуда твой первомученический подвиг, облиставший всю Русскую Церковь. Тебя предпослала она, как начаток исповедников, число коих стало исполняться потом с каждым днем.

"Первый из пострадавших ты – по слову св. Григория Богослова, – стал путем для других". Одушевленные теми же чувствами устремились за мученическими венцами Ангелы Церквей Пермской, Тобольской, Астраханской и целые сонмы других святителей и иереев Божиих, прошедших сквозь огонь и воду, испытавших поругание и раны, узы и темницу, от них же многие побиени быша, претрени быша, убийством меча умроша, даже пропяты (распяты) быша, не приемше избавления, да лучшее воскресение улучат (Евр. 11, 35-37).

Среди этой доблестной дружины зрим и тебя, священная главо, славный Первостоятель града св. Петра, возлюбленный твоею паствою так же, как тезоименный тебе древний патриарх своим отцом Иаковом. Младший многих из своих собратий, ты предупредил, однако, их твоим апостольским дерзновением и духовным разумом. Еще в юности ты лобызал пламенеющим сердцем раны первых мучеников и скорбел, что не можешь приобщиться к их славному подвигу. Господь узрел твою святую ревность и по исполнении времен послал тебе тот же искус. По его изволению преемники Ирода и на тебя наложили руки, чтобы сделать тебе зло и, задержав, ввергли в темницу (Деян. 12, 4). Напрасно преданная тебе паства волновалась, как море, вздымающее гневные волны. Ни ее угрозы, ни твое незлобие и смирение – ничто не могло исторгнуть тебя из рук

нечестивых, повлекших тебя на свое незаконное судилище. Исполненный веры и силы, кроткий и дерзновенный, как первомученик Стефан, предстал ты перед новым синедрионом. Враги не могли противостоять мудрости и Духу, вещавшему твоими устами, когда ты изобличал их клеветы и выражал радостное желание умереть, как христианин, стражда без правды (1 Петр. 2, 19; 4, 16).

Однако они продолжали противиться истине даже тогда, когда некая жена из их сонма, соревнуя благородной жене Пилата, выступила на твою защиту и стала умолять судий не брать на себя неповинной крови. Древний приговор: "Повинен есть смерти" был произнесен, но не приведен немедленно в исполнение только потому, что паства по-прежнему не хотела расстаться со своим пастырем, что дети не хотели уступить палачам своего отца. Несколько дней ты снова должен был томиться в предсмертных муках, искупая, однако оставшееся время для назидания пасомых, ибо для слова Божия нет уз (2 Тим. 2, 9). Уже обреченный в жертву (2 Тим. 4, 6) ты, подобно великому Апостолу языков, писал из темницы последние заветы своим ученикам и сопастырям. Эти бессмертные слова, написанные не столько чернилами, сколько твоею кровью, должны быть увековечены на все времена наряду с посланиями древних мучеников.

"В детстве и отрочестве – писал ты одному из твоих сподвижников-пастырей – я зачитывался житиями святых и восхищался их героизмом, их святым воодушевлением, жалел, что времена не те и не придется пережить то, что они переживали. Времена переменились, открывается возможность терпеть ради Христа от своих и чужих. Трудно, тяжело страдать, но по мере наших страданий избыточествует и утешение от Бога. Трудно переступить этот рубикон, границу и всецело предаться воле Божией. Когда это совершится, тогда человек избыточествует утешением, не чувствует самых тяжких страданий, полный среди страданий радости и внутреннего покоя, он других влечет на страдания, чтобы они переняли то состояние, в котором находится счастливый страдалец. Об этом я ранее говорил другим, но мои страдания не достигали полной меры. Теперь, кажется, пришлось пережить почти все: тюрьму, суд, общественное заплевание, обречение и требование самой смерти под якобы народные аплодисменты, людскую неблагодарность, продажность, непостоянство и т.п., беспокойство и ответственность за судьбы других людей и даже самую Церковь.

Страдания достигли своего апогея, но увеличилось и утешение. Я радостен и покоен, как всегда. Христос наша жизнь, свет и покой. С Ним всегда и везде хорошо. За судьбу Церкви Божией я не боюсь. Веры надо больше, больше ее надо иметь нам, пастырям. Забыть свою самонадеянность, ум, ученость и дать место благодати Божией.

Странны рассуждения некоторых, может быть, и верующих пастырей (разумею Платонова) – надо хранить живые силы, т.е. их ради поступиться всем. Тогда Христос на что? Не Платоновы, Вениамины, и т.п. спасают Церковь, а Христос. Та точка, на которую они пытаются стать, погибель для Церкви. Надо себя не жалеть для Церкви, а не Церковь жертвовать ради себя. Теперь время суда. Люди и ради политических убеждений жертвуют всем. Посмотрите, как держат себя эсэры и другие. Нам ли, христианам, да еще и иереям, не проявить подобного мужества даже до смерти, если есть сколько-нибудь веры во Христа, в жизнь будущего века?!"

Сколько возвышенной силы в этих кротких и смиренных словах, запечатленных твоею смертью!

Радостный, ты шел на крест, отвергнув последнее искушение "пожалеть себя для Церкви".

По завету Св. Апостолов ты не захотел высокоумствовать о себе и предпочел душу свою положить за Церковь вместо того, чтобы уклоняться в словеса лукавствия и ставить немощное человеческое выше силы и мудрости Божией.

И так как ты до конца прошел по стопам Подвигоположника, Он за верность и кротость освятил и возвеличил тебя (Спр. 15, 14), покорив под ноги твои самых врагов Церкви, вынужденных потом исповедывать перед людьми твои неповинные страдания и поклониться им.

Так исполнилось желание твоего сердца: ты обрел и жребий, и венец страстотерпцев Христовых и смертью купил себе вечную жизнь.

Так же поступили и многие другие архиереи и священники Бога Вышнего, призванные пострадать за свидетельство, которое они имели (Апок. 6, 9).

Когда начались дни огненного испытания для Церкви, и Господь не восхотел принять от нас всеожжения и жертвы, они не стали советоваться с плотию и кровию, но, уразумевши Его волю, сами принесли себя в непорочное заколание (Евр. 10, 6-9). Вслед за Вечным Первосвященником и Ходатаем Нового Завета они вошли во святилище со сво-ею кровию, да очистятся грехи людские (Евр. 9, 12-15), ибо без пролития крови не бывает прощения (22). Среди искушений и мук эти истинные пастыри не оставили первую любовь свою (Апок. 2, 4), воспламенившую некогда их сердце желанием священства, и сохранили даже до последнего издыхания целым и невредимым залог, врученный им при рукоположении.

Славны ваши имена, мужественные страстотерпцы, которых ни жизнь, ни смерть, ни настоящее, ни грядущее, ни высота суетных отличий, ни глубина унижения – ничто не могло отлучить от любви Божией во Христе Иисусе (Рим. 8, 38-39).

Ваш пример показал воочию, что "можно убить, но не победить священника Божия, держащегося Евангелия и сохраняющего заповеди Божий", как вещает один из древних священномучеников.

Не с нынешнего дня начались испытания Церкви. Еще св. Василий Великий писал о своем плачевном времени: "Нас постигло гонение самое тяжкое. Ибо гонят пастырей, чтобы рассеялось стадо. Одна ныне вина, за которую жестоко наказывали, – точное соблюдение отеческих преданий. За это благочестивых изгоняют из отечества и переселяют в пустыни. Неправедные судии не уважают ни седины, ни подвигов благочестия, ни жизни, ни юности, ни старости, проведенной по Евангелию. Но тогда как ни одного злодея не осуждают без обличения, епископов берут по одной клевете и предают наказанию без всякого доказательства возносимых на них обвинений; иные из них не знали обвинителей, не видели судилищ, даже не были сперва оклеветаны, но безвременно ночью похищены насильственно, сосланы в отдаленные страны, и зло страданиями, какие долж ны были терпеть в пустыне, доведены до смерти. Глас плачущих слышен в городе, слышен в селах, по дорогам в пустынях. Одна у всех жалостная речь, потому что все го-ворят о достоплачевном. Похищены радость и духовное веселие. В плач обратились наши праздники, дома молитвенные затворены, на алтарях не совершается духовного служения" (Письмо к Италийским и Галльским епископам).

Все эти бедствия, изображенные великим Отцом Церкви, пришли на вас седемерицею, ибо никогда столп злобы богопротивной не поднимался так высоко, никогда еще человеческая жестокость не была столь изобретательной и беспощадной.

Теперь самый плач о невинно убиенных считается уже преступлением и потому не

смеет раздаваться открыто.

Весь ум, все завоевания науки нашего просвещенного времени, кажется, обращены, прежде всего, на то, чтобы причинить возможно больше страданий людям, С давних пор известны истязания огнем, голодом и холодом, железом, бичами и скорпионами, цепями, темницами. Современное искусство к ним присоединило, целый ряд новых изощренных телесных мучений и, кроме того, утонченные нравственные пытки, которых не знал еще грубый век Нерона и Диоклитиана. Вы понесли на себе все эти болезни и раны, после которых самая смерть могла, иногда, казаться благодеянием. Вместе с всемирным проповедником Павлом вы долж-ны были терпеть беды не только от врагов, но и от сродник и от лжебратий, корчемствующих истину, возлюбивших мзду Валаамову, предавших своих сослужителей слугам антихриста и облекшихся, вместе с Иудею, в клятву, как в ризу (Псал. 108, 18).

Об них издревле изрек Дух Святой: Ты носишь имя, будто жив, но ты мертв (Апок. 3, 1).

Облекшись в броню правды и преподобие истины, вы были живым обличением для всех, поклонившихся зверю. Сего ради возненавидел вас мир. Но вы победили последний силою лучшею, показавши себя почти бесплотными во плоти.

Все знают, что нет ничего на земле дороже жизни. Все отдает человек взамен души своей; чтобы выкупить жизнь, он готов пожертвовать славой, богатством, самыми нежными родственными привязанностями, дружбой, даже честью и совестью. Самый гордый и независимый из людей падет к ногам своего палача, будет целовать его окровавленные руки, подобострастно заглядывать ему в глаза, желая прочесть там свое помилование. Никогда человек не бывает более жалок, как в то время, когда он судорожно хватается за ускользающую от него нить жизни, жертвуя для нее вечными ценностями, и никогда не бывает так велик, как если он торжествует духом над немощью плоти и презирает все земные соблазны, ради нетленного блаженства. В этом красота мученичества, высоко почитавшегося во все времена и у всех народов.

Особенно ярко светит этот подвиг в на-ши сумрачные и малодушные дни, когда за умножение беззаконий оскудела вера, охладела любовь, колеблется надежда, когда немощи отдельных людей вменяются в вину самой Церкви, как-будто она уже истощила свою прежнюю силу. Ваше адамантово мужество оправдало Церковь пред лицом мира. Благодать Божия, преизо биловав шая там, где умножился грех, снова избрала безумное мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира, чтобы посрамить сильное (Рим. 5, 20), 1 Кор. 1, 27). Вы были в отчаянных обстоятельствах, но не отчаивались; низлагаемые не погибали. Во всем вы явили себя, как служители Божий в великом терпении, бедствиях, нуждах тесных обстоятельствах, под ударами, в темницах (2 Кор. 4, 8-9; 6, 4-5), Вы воскресили перед нами образы св. Игнатия, Поликарпа, Златоуста и многих других исповедников и священномучеников, украсивших лучшие времена христианства. Ваша доблесть озарила новую славою Русскую Церковь, возрастившую в вас сподвижников Филиппа и Гермогена и начало вождей целого сонма других мучеников, разных званий и возрастов, принесенных ею в жертву Богу.

За то, что она явила новых страстотерпцев, ее имя возвещается ныне во всем мире. Вместе с нею и вся Вселенская Церковь пожинает плоды вашей победы и если, по словам св. Киприана, у нее нет недостатка ни в лилиях, ни в розах (письмо к мученикам и исповедникам), то, убелив ее одежды своими кровьюми, вы достойны наименоваться теми и другими. Вы соединили небо с землею в общей радости, ибо вместе с воинствующею, о

вас веселится и Церковь торжествующая, к которой вы приобщились ныне. Не вам ли, убиенным за слово Божие, даны там белые одежды и сказано, чтобы вы успокоились на малое время, пока ваши сотрудники и братия исполнят число (Апок. 6, 9-11).

"Восхищаясь воспоминаниями о вас, мы, подобно Свят. Григорию, делаемся от удо-вольствия как бы вдохновенными, некоторым образом соучаствуем в вашем мученичестве, приобщаемся вашему подвигу".

Да будет же память ваша во благословениях, да процветут кости ваши от места своего (Сир. 45, 13, 14). Народы будут рассказывать о вашем мужестве и мудрости, а Церковь не перестанет возвещать вам хвалу (44, 14), восклицая: "радуйся, собор крепкий и терпеливый, победительное ополчение, царственное священство, столпы благочестия, священнодействовавшие сами себе мучением, коих смерть явилась последним совершительным таинством. Через вас прославляется Христос, Иже вчера, днесь. Той же и во веки" (Евр.13, 8).